

ДАМАСКИЙ В АЛЕКСАНДРИИ (1) ИЗБРАННЫЕ ФРАГМЕНТЫ ЕГО «ФИЛОСОФСКОЙ ИСТОРИИ»

Е. В. АФОНАСИН
Институт философии и права СО РАН
afonasin@post.nsu.ru

EUGENE AFONASIN

Institute of Philosophy and Law SB RAS

DAMASCIUS IN ALEXANDRIA (1). SELECTED FRAGMENTS OF HIS "PHILOSOPHICAL HISTORY"

ABSTRACT. In the paper, I trace the evolution of the Neoplatonic school in Alexandria on the basis of select fragments from Damascius' "Philosophical History," translated into Russian for the first time. The fragments concern the Alexandrian intellectual scene of the first part of the fifth century. Damascius vividly presents the major philosophical figures of this period, such as Hierocles, Hermias and his son Ammonius as well as such peculiar personalities as the philosophers Theosebius and Hierax, the sophists Ammonianus and Theo, and, last not least, Aedesia, wife of Hermias. The fragments translated range from 46 to 57 Athanassiadi.

KEYWORDS: Neoplatonism, Late Antiquity, Hierocles, Hermias, Ammonius, sources of ancient philosophy.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Александрийскую философскую сцену первой половины и середины пятого века украсили, согласно Дамаскию, Гиерокл (фр. 45), Гермий (фр. 54) и его сын Аммоний (фр. 57), а также такие меньшие фигуры, как ученик Гиерокла Теосебий (фр. 45–46), грамматик Аммониян (фр. 47), упоминание о котором позволило Дамаскию прокомментировать отношение своего учителя Исидора к поэзии и риторике (фр. 48), преподаватель искусства красноречия Теон (фр. 49), друг Гермия Эгипт (фр. 54), его второй сын Гелиодор (фр. 57) и современник Аммония философ Гиеракс (фр. 57–58). Специальное вни-

мание Дамаский уделяет Эдессии, жене Гермия, которую он застал в живых в годы своей молодости и к которой относился с огромным уважением (фр. 56).

По словам Дамаския, Гиерокл¹ отличался выдающимися ораторскими способностями. В некотором смысле можно утверждать, что с его именем связано возрождение платонической школы в Александрии. Действительно, хотя здесь более, чем где-либо, процветали как религиозные учения (гностицизм, манихеизм, иудаизм, христианство), так и наука и словесность, неоплатоническое учение в узком смысле этого слова пришло в Египте в упадок, наверное, еще в начале третьего века. Во всяком случае, нам не известно ни об одном крупном александрийском философе после соученика Плотина Оригена (ок. 250). Источником возрождения стал, по свидетельству самого Гиерокла, афинский неоплатонизм Плутарха. Кроме того, если целью поездки Гиерокла в Константинополь также было преподавание, то он, должно быть, внес определенный вклад и в развитие столичной философской мысли – вероятно, достаточно заметный для того, чтобы вызвать недовольствие христианских властей, что привело к его изгнанию (фр. 45В).

По словам Дамаския, Гиерокл проявил себя как выдающийся и оригинальный комментатор диалогов Платона, каждый раз по-новому развивающий темы классических диалогов (фр. 45А). С Дамаскием согласен и христианский неоплатоник Эней из Газы (ок. 450 – после 518), в диалоге «Теофраст» связывающий время активности Гиерокла с лучшими годами александрийской философии.²

Гиерокл не публиковал своих комментариев к Платону, записей его лекций до нас также не дошло, однако его комментарий к пифагорейским «Золотым стихам» пользовался неизменной популярностью вплоть до эпохи Возрождения и даже, в византийский период, подвергся «христианизации».

¹ По сообщению Фотия его книга «О промысле» посвящена историку Олимпиодору Фиванскому, чье сочинение посвящено имп. Феodosию II (правил с 408 по 450 гг.) и касается событий, произошедших в 407–425 гг. С другой стороны, в седьмой книге сочинения «О промысле» Гиерокл сообщает, что был учеником Плутарха Афинского (*Библиотека*, код. 214), который умер ок. 431 г. Следовательно, время научной активности Гиерокла приходится на первую половину пятого века (Schibli 2002, 3–4). Наиболее подробное исследование философии Гиерокла: Aujeulat 1986.

² Очевидно, что Эней знал сочинение Гиерокла «О промысле» (см. новый перевод: Gertz, Dillon, Russel 2012). Герман Шибли отмечает, что сам факт этого упоминания не доказывает, как это часто утверждается, что Эней был учеником Гиерокла (Schibli 2002, 13).

ции».³ Комментарий делится на три части, соответствующие трем степеням неоплатонических добродетелей: гражданским (гл. 1–19), созерцательным (гл. 20–25) и очистительным (гл. 26–эпилог).⁴ Он касается таких тем, как трехчастная классификация существ (бессмертные боги – герои – люди), четыре кардинальные добродетели (в особенности практическая мудрость), роль платонического демиурга в осуществлении космического порядка, концепция «колесницы души» и, наконец, значение теургии для достижения богоподобного состояния. Можно предположить, что текст предназначался для студентов Гиерокла и служил им в качестве введения в философию, ведь именно в таком качестве «Золотые стихи» использовал и Ямвлих в своем *Протрептике* (10–16).⁵

Другое произведение Гиерокла, озаглавленное «О промысле», до нас не дошло, однако оно было известно Фотию (*Библиотека*, код. 214 и 251; Schibli 2002, 22–31, 329 сл.). Трактат представлял собой своего рода неоплатоническую историю философии и состоял из семи книг, последняя из которых и задавала подобающую перспективу: ключевой фигурой, согласно Гиероклу, был Аммоний Александрийский, возродивший платоническую мысль. За ним следуют его ученики, Плотин, Ориген, Порфирий, Ямвлих и, наконец, учитель автора трактата, Плутарх Афинский. Шесть предшествующих книг в определенном смысле раскрывали предысторию этой значимой трансформации платонизма, сначала тематически (книги 1–3), а затем исторически (книги 4–6). Именно, после вводной книги и общего описания платонической доктрины во второй, Гиерокл опровергал противников платонизма в третьей, а затем переходил, в четвертой и пятой книгах, сначала к доплатоновской философии, а затем, в шестой, к философии от Платона до Аммония. Если бы этот трактат дошел до наших дней, Гиерокл, несомненно, за-

³ См. издание: Koehler 1974; комментированный перевод на английский язык: Schibli 2002; перевод на русский язык: Петер 1996.

⁴ Эта классификация является вариацией того, что предложил, вслед за Плотинем, Порфирий (Порфирий, *Сентенции* 32.1–5, Месяц 2013), который говорит о четырех видах добродетелей – гражданских (*πολιτικά*), очистительных (*καθαρτικά*), созерцательных (*θεωρητικά*) и парадигматических (*παραδειγματικά*). Как мы знаем, Ямвлих и афинские неоплатоники, включая самого Дамаския, увеличили количество добродетелей до семи. См. O'Meara 2006, Watts 2014, Finamore 2012 и Афонасин 2019.

⁵ Нет никаких сомнений в том, что свой интерес к неопифагореизму и теургии Гиерокл унаследовал от Ямвлиха, как непосредственно, так и под влиянием своего учителя Плутарха. О пифагореизме неоплатоников в целом см. O'Meara 1989.

нимал бы гораздо большее место в наших учебниках по истории античной философии.

Многие ученики и последователи Платона и Аристотеля, говорит Гиерокл (Фотий, *Библиотека*, код. 251; далее 251.3; см. также 214.2, 214.8 и др.), стремились доказать, что их учителя противоречили друг другу во многих ключевых моментах своих учений, и даже допускали фальсификации для того, чтобы продемонстрировать эту точку зрения. Эта прискорбная ситуация продолжалась многие столетия до тех пор, пока Аммоний, «богословно-новенный муж», не смог усмотреть в философии Платона и Аристотеля той ключевой основы, которая их в действительности объединяет.⁶

Каковы же основные идеи, интересующие Гиерокла? В код. 251 Фотий приводит выдержки из второй и третьей книг несохранившегося трактата «О промысле», которые, судя по всему, более или менее соответствуют развитию мысли самого автора и сохраняют исходную терминологию. Согласно Гиероклу (251.18), говоря о занебесной «области» (*Федр* 247c), Платон во все не имел в виду, вопреки мнению некоторых комментаторов, физически определенное место, используя это понятие в переносном смысле (что вполне согласуется с неоплатоническим толкованием, см., напр. Плотин, *Эннеады* 2.4.12, 2.5.3 и др.). Соответственно, в другом месте (251.22–24) он детально истолковывает *Федр* 249a и *Тезет* 173a–b как указание на два типа философствования – созерцательное и практическое: «один из них на самом деле философствует, не обращая внимания на дела людей, другой же философствует как влюбленный, из любви к людям и ради упорядочивания их дел».

Наконец, в *Законах* (709b) говоря, что «бог всем правит», но, в то же время, «человеческими делами управляет случай и удача», Платон хочет сказать, что «божественный промысел управляет сверхчувственными, неизменными и поэтому безгрешными сущностями, тогда как разумным существам, которые временами увлекаются неразумием и поэтому исполняются злом, он приписывает промысел в виде смешения удачи и случая» (251.19). Доказательству этого последнего положения и защите его от неверных толкований философов (стоиков, некоторых перипатетиков и платоников), астрологов и магов, собственно, и посвящен трактат «О промысле».

Иллюстрацией этого положения может стать и толкование места из *Тимея* 89b (которое, по словам Фотия, содержится уже в 10 главе третьей книги трактата, 251.28), где Платон описывает виды движений и замечает, что для организма лучшим будет собственное движение или, в крайнем случае,

⁶ В целом, о неоплатонической традиции «гармонизации» Платона и Аристотеля см. Nadot 2015 (в особенности о Плутархе и Гиерокле: с. 97–102).

движение самого тела при помощи посторонней силы, тогда как движение, полностью вызванное посторонней силой, например, очистительными средствами или другими лекарствами, – самое нежелательное и допустимо лишь в случае крайней необходимости, так как, продолжает мысль Платона Гиерокл, «каждому живому существу самой природой предписано время болезни, определяемое его видом: лошадь живет столько-то лет, корова – столько-то ... если только дикое животное или какая-нибудь внешняя причина не оборвет их жизнь раньше времени». Однако, продолжает Гиерокл (251.29), случайным образом что-то может произойти лишь с неразумным существом, деревом или камнем, для разумных же существ, каковыми являются люди, «время их смерти определено в соответствии с заслугами души», так как «каждый из нас получает на основании предыдущих жизней ту, которую заслуживает по решению судящего нас даймона», который и определяет наши «национальность, город, отца, мать, момент зачатия, конкретное тело, характер, события в жизни, а также способ и час нашей смерти». В свете сказанного в *Тимее* 42b, в мифе Эра в *Государстве* и в других местах, такое толкование предполагает крайне аллегорическое понимание платонической эсхатологии. Именно таким образом, завершает свою мысль Гиерокл, для каждой отдельной души окажется возможными «промысел, суд, наказание, очищение, рождение, жребий и смерть, которая не происходит случайно, и, наконец, путешествие в Аид под руководством того даймона, которому дана в удел наша жизнь» (30). Именно по этой причине все несчастья, которые кажутся случайными, в действительности представляют собой разные формы наказания, заслуженные в этой или прошлой жизни, так что «прошлые дела становятся причиной для последующих, а то, что находится в нашей власти, влечет за собой события, совершающиеся помимо нашей власти, тогда как делаемый человеком выбор исправляется законами необходимости, которые творец положил для наших душ» (31).

Если Гиерокл оценивается Дамаскием весьма позитивно, то в отношении Гермия (ок. 410–450), учившегося вместе с Проклом у Сириана в Афинах и затем основавшего свою школу в Александрии, он гораздо более сдержан. Не исключено, что юношей он мог учиться у самого Гермия и, совершенно точно, провел некоторое время в школе его сыновей Аммония и Гелиодора.⁷

⁷ Наиболее значимым исследованием, посвященным Аммонию, остается Tempelis 1998. Хотя Аммоний и его последователи, такие как Асклепий, Иоанн Филопон, Захария, Гессий, Олимпиодор, Псевдо-Гелиодор и анонимный автор комментария к *Об истолковании* Аристотеля, в основном работали в перипатетическом ключе, их связь с платонизмом не была полностью потеряна, как и

Вслед за Дамаскием, современные исследователи склонны отказывать Гермия в оригинальности, в единственном сохранившемся его сочинении, Комментарии к *Федру* Платона, усматривая конспект лекций его учителя Сириана на соответствующую тему. Как бы там ни было, этот единственный дошедший до нас комментарий к *Федру* очень важен для истории неоплатонизма, но следует отметить, что с недавних пор отношение историков философии к Гермия также начало меняться, о чем свидетельствует недавнее великолепное собрание статей, ему посвященное.⁸ Так, хотя в разрываемом в комментарии учении о небесном путешествии души легко усмотреть влияние Ямвлиха и Сириана, все же можно выделить области, в которых рассуждения Гермия отличались от учения Сириана. Так, для его комментария характерно специфическое отношение к авторитетным религиозным текстам (прежде всего, орфике и *Халдейским оракулам*) и оригинальная классификация («теотаксономия») небесных существ; он развивает среднеплатоническую теорию о даймонах двух типов, низших, управляющих миром, и высших, посылающих наказания, и, особенно, в контексте диалога, о даймоне Сократа; наконец, он своеобразно пишет о роли «колесницы души» в качестве посредницы между душой, даймоном и другими божественными существами.⁹ Разумеется, теории о теле души, которая сама по себе является бестелесной сущностью, высказывались всеми платониками, в основном на основании метафор колесницы души в *Федре* (246a, 247b) и астрального тела в *Тимее* (42b, 69c), однако неоплатоническое эфирное (или пневматическое) тело души (ἄχημα) – это нечто другое, отличное от того астрального транспорта, который бог предоставляет душе на время ее небесного путешествия. Известно, что Ямвлих и, вслед за ним, Гиерокл, считали астральное тело души ее вечной интегральной частью, тогда как Плотин и Порфирий (на основании своего толкования *Халдейских оракулов*, фр. 104 Des Places), полагали, что это нечто внешнее, добавляемое к душе в процессе ее нисхождения.¹⁰ По-видимому, Гермий принимает первую точку зрения, описывая промежуточную роль эфира (пневмы) в процессе мышле-

стремление гармонизировать учение Аристотеля с платонизмом (см. Hadot 2015, 146–155).

⁸ Finamore, Manolea, Wear 2018.

⁹ Об этом говорит Клаудио Морескини (Moreschini), автор недавнего издания Комментария и основательной работы о нем (Finamore, Manolea, Wear 2018, 151–168, Moreschini 2009). См. также Tarrant, Baltzly 2017.

¹⁰ Ямвлих, *О душе*, фр. 38 Finamore–Dillon (Афонасин 2020, 319–320 сн. 110–111), Ямвлих, Комментарий к *Тимее*, фр. 83 Dillon (Светлов 2020, 183–189). См. также Дамаский, Комментарий к *Федону* Платона 1.177.

ния и восприятия (Комментарий к *Федру* Платона, 129.25–29), в другом месте комментария (201.24) называя, подобно Порфирию (*О воздержании* 1.31, 2.46), эфирное тело души χιτών.

ДАМАСКИЙ. ФИЛОСОФСКАЯ ИСТОРИЯ (ЖИЗНЬ ИСИДОРА)

Полный текст этого произведения Дамаския не сохранился, однако он был доступен патриарху Фотию (IX в.), охарактеризовавшему его как «не столько жизнеописание Исидора, сколько рассказ о других людях, как его предшественниках, так и современниках». Выдержки из этих рассказов он цитирует и пересказывает в разных местах своей монументальной *Библиотеки* (причем, сначала он выбирает некоторые биографические сообщения, а затем возвращается к началу сочинения и использует те разделы, которые понравились ему по литературным соображениям). Он отмечает также, что книга состояла примерно из 60 глав и была слишком большой, чтобы считаться биографией. В лексиконе *Суда* (X в.) наше сочинение названо «Философской историей» и используется в качестве источника примеров употребления различных слов и выражений, а также для биографических статей. В ряде случаев сведения из Фотия и *Суды* пересекаются. Фрагменты сочинения Дамаския впервые собрал и перевел на немецкий язык Рудольф Асмус (Asmus 1911). На основании этой работы спустя полвека их издал Клеменс Цинтцен (Zintzen 1967). Наконец, Полимния Атанассиади (Athanassiadi 1999) вновь изучила и систематизировала доступные нам свидетельства. Данный перевод избранных фрагментов из «Философской истории» основан на этой публикации.

В данной работе ссылки на *Библиотеку* Фотия даются, как и в книге Атанассиади, по изданию Henry 1959–1977 в форме Ф 6, где 6 – это номер соответствующей выдержки. Лексикон *Суда* полностью доступен по изданию Adler 1928–1938, и ссылка Σ 3.35.30 указывает на соответствующую книгу (3), главу (35) и раздел (30) лексикона. В некоторых случаях отрывки выглядят как цитаты из нашего сочинения, в других – это лишь пересказ его содержания. В ряде случаев имя Дамаския не упоминается, поэтому я сохраняю астериски, предложенные Полимнией Атанассиади для того, чтобы отметить статус того или иного фрагмента: Σ* указывает на то, что данный отрывок из *Суды* по всем признакам принадлежит Дамаскию, хотя его имя и не названо, а *Σ указывает на тот факт, что в данном случае авторство Дамаския вероятно, но не может быть подтверждено. Угловыми скобками отмечены лакуны текста, квадратными – пропуски и пояснения перевода. Публикация продолжает предыдущие работы: Афонасин 2019 и 2020.

А (Ф 54) Гиерокл, бывший, благодаря возвышенности своего ума и красноречивости, украшением александрийских [философских] школ, отличался выдающимися способностями и широтой мышления, повсеместно поражая своих слушателей необычностью своих речей и той легкостью, с которой ему удавалось подбирать прекрасные слова и выражения, подражающие красоте Платонова стиля и глубине его мысли. Однажды он объяснял своим ученикам «Горгий» Платона, и один из слушателей, Теосебий, сделал записи этого комментария. Вполне естественно, что спустя какое-то время Гиерокл вновь обратился к «Горгию». Тот же ученик снова вел записи и, сравнив их со сделанными ранее, обнаружил, что между ними нет ничего общего, но в то же время оба комментария, как бы странно это ни звучало, в полной мере отражали смысл произведения Платона. Это сравнение показывает, насколько безбрежным был океан его мысли.

В (Σ 2.616.7) У него был ученик по имени Теосебий, и я не встречал ранее более пронизательного мужа, настолько способного непосредственно прозревать души людей. Этот Теосебий говорил, что в одном из своих комментариев Гиерокл сравнивал слова Сократа с игральными кубиками: как бы они не выпадали, они выпадают правильно. Мужественный и отважный характер Гиерокла проявился во время обрушившегося на него несчастья. Находясь в Византии,¹¹ он оскорбил тех, кто теперь у власти, и, по дороге в судилище, был жестоко избит. Истекая кровью, он собрал некоторое ее количество в ладонь и, плеснув в судью, воскликнул: «Киклоп, выпей вина, человеческой насытившись плотью!».¹² Осужденный на изгнание, он затем вернулся в Александрию и продолжил преподавать фило-

¹¹ Отметим намеренный архаизм.

¹² Гомер, *Одиссея* 9.347. Вслед за Г. Шибли (Schibli 2002, 37–39) естественно предположить, что в столицу Гиерокл прибыл также в качестве философа. Очевидно, что после эдикта Феодосия II 425 г., касающегося порядка назначения официальных преподавателей местной университетской городской школой, люди, подобные Гиероклу, могли рассчитывать в Константинополе лишь на частное преподавание. Мы не знаем причины конфликта и последующего судебного преследования (это мог быть запрет на публичное преподавание, отправление, даже частное, языческого культа, или же обвинение в магии). В любом случае, Гиерокл стойко перенес обрушившуюся на него ярость христианских фанатиков и, как специально отмечает Дамаский, вернувшись в Александрию, продолжил преподавать неоплатоническую философию, которая в том числе включала в себя и запрещенную властями теургию.

софию, как прежде. Блестящий ум Гиерокла можно также постичь из его сочинения о Пифагорейских «Золотых стихах» и нескольких книг «О промысле»,¹³ в которых этот муж раскрывает свое учение о возвышенном образе жизни, хотя его представление о знании и не во всем точное.¹⁴

46

- А (Ф 55) Он взял в жены женщину, способную иметь детей.
- В (Ф 56) Поскольку даймон не пожелал подчиниться уговорам и покинуть женщину, Теосебий заставил его удалиться при помощи заклинания, хотя и ничего не понимал в магии и не изучал теургию. Изгнал он его, призвав лучи Гелиоса и бога евреев. Даймон удалился, восклицая, что испугался не только богов, но и его самого.
- С (Ф 57) Он отпускал все канаты (*πάντα κάλων ἐκίνει*),¹⁵ всегда действовал и говорил, убеждая и наставляя, ведь таков был его нрав, так что ни одно дело, начатое им, не оставалось незавершенным.
- Д (Ф 58 + Σ 2.365.27) Многое из того, что говорил Теосебий, происходит из школы Эпиктета, однако оформил он эти идеи в соответствии с нравом его собственной музы, способной покорить и устыдить еще не полностью ожесточенные и зачерствевшие души, дабы они, насколько это возможно, отвратились от худшего образа жизни и избежали этой участи, ухватившись что есть сил за лучшее и устремившись вслед за ним. Ради этого он оставил письменные рассуждения, подобно тому, как это до него сделал Эпиктет. И мне кажется, что этот муж, если сопоставить их сочинения, во всем окажется Эпиктетом нашего времени, за исключением, разве что, стоической доктрины. Ведь ничто так не приветствовал Теосебий и ничем так не восхищался, как истиной Платонова учения. Затем-то он и сочинил небольшую книжицу о тонкостях великого «Государства», словом восхваляя теософию, низошедшую от богов. Ведь именно ее он особенно почитал и ей поклонялся.¹⁶ Кажется, он постоянно занимался изучением этики. В самом деле, по природе он стремился не к знанию, но к благой жизни, хотя эта последняя ни в коей мере не сводилась к тихому

¹³ Комментарий Гиерокла к *Золотым стихам* сохранился. См. издание: Koehler 1974; перевод: Петер 1996. «О промысле» пересказывает Фотий (*Библиотека*, код. 214 и 251). Подробнее см. Schibli 2002, 329 сл.

¹⁴ Вероятно, Дамаский хочет сказать, что учение Гиерокла по преимуществу нацелено на практическую философию.

¹⁵ Морская метафора: отпускать канаты, то есть ставить все паруса.

¹⁶ Речь, конечно же, идет о *Халдейских оракулах*.

времяпрепровождению и мысленным упражнениям. Это была жизнь, достаточно активная. Не проявляя себя в публичной жизни, он вел жизнь частную, уподобившись в этом Сократу, Эпиктету, да и любому здравомыслящему человеку, управляя своей жизнью и жизнью своего внутреннего сообщества (πολιτεία). К этому он стремился прежде всего, а затем уж ко всему остальному, в достаточной мере и лишь ради его улучшения.

Е (Φ 59 + Φ 31) Теосебий, человек в высшей степени благоразумный, согласился иметь отношения с женой ради рождения детей. Но так как детей у них не было, Теосебий показал жене перстень целомудрия и сказал ей: «О жена! Много лет назад я вручил тебе перстень, управляющий продуктивным союзом. Теперь же я даю тебе этот перстень целомудрия, который поможет тебе вести целомудренную домашнюю жизнь, если ты сможешь и пожелаешь разделить ее со мной в чистоте. Если же нет, то я позволяю тебе взять другого мужа, которому я отдаю тебя полюбовно и добровольно, как друг подругу». Она же охотно приняла его предложение и прожила остаток жизни со своим мужем, воздерживаясь от сексуальных контактов с ним. Теосебий отмечал действенность этого оберега не только в отношениях со своей женой, но и при некоторых личных обстоятельствах в прошлом. Ведь, когда он был моложе, ему, как он сам признавал, приходилось бороться с силами, способствующими рождению, как внешними, так и внутренними.

47

(Σ 1.145.20 + Φ 60) Грамматик Аммониан, украшенный родством с Сирианом,¹⁷ был по природе схож с ним как характером, так и телесно: «видом, статью и нравом», по словам Гомера.¹⁸ Ведь оба они были хороши собой и высокого роста. И оба отличались отменным здоровьем и физической силой, безупречными как в целом, так и в отдельных случаях. Да и души их похожим способом стремились к совершенству. Правда, Сириан был в большей мере любим богами и стал подлинным философом, тогда как другому нравилось искусство толкования поэтов и выправления греческих текстов. Именно этому Аммониану принадлежал осел, который, как говорят, забывал о еде, слушая рассуждения о поэзии, даже если до этого его намеренно морили голодом. Вот насколько он проникся любовью к изучению поэтических острот.

¹⁷ Имеется в виду ученик Плутарха, основателя афинской школы неоплатонизма, и учитель Прокла.

¹⁸ *Илиада* 2.58.

А (Ф 61 + Σ 1.397.7 + Σ 4.305.20) Исидор¹⁹ хорошо разбирался в поэзии, не отдавая ей в полную силу, но обращаясь к ней, когда это было необходимо. Симпатизировал он ей в наименьшей степени, так как она не касается души, оставаясь на уровне воображения и речи, а в некоторых случаях даже вступает в конфликт с общеизвестными понятиями.²⁰ Такова причина, по которой он уступал другим в этой области. Так, люди могли усматривать в сочиненных им гимнах и возвышенность, и ритуальную чистоту, однако им не хватало складности. Поэтому он позволял мне исправлять в них метрические погрешности и все то, что нарушало подбаивающий ритм.

В (Σ 4.292.23) О риторических украшениях он также не помышлял, понимая ценность слова, однако остерегаясь и ненавидя заносчивость и кичливость риторики.

(Σ 2.702.26 + Ф 62) Софист Теон, преподаватель риторики, вел свой род от хранимой богами Маркеллы,²¹ а по отцовской линии, несколько позже, от Экдика, который и сам был учителем искусства риторики. Этот Теон не отличался находчивостью и остроумием, однако превосходил многих любознательностью и трудолюбием. Так он добился великолепного знания поэтов и ораторов, выучив наизусть их сочинения и достигнув высот в искусстве их толкования. За очень короткое время он достиг выдающегося многознания, изучив как древних, так и новых писателей. Вот только писать стихами или прозой не мог, как ни старался.

(Ф 74 + Σ 2.412.22 + Σ 2.412.26) Гермий был родом из Александрии; именно он был отцом Аммония и Гелиодора, *которые стали учителями Дамаския*.²² Также Гермий был большим другом Эгипта, брата Теодоты, матери философа Исидора. Да и сам Эгипт стремился к знанию. По природе Гер-

¹⁹ Учитель Дамаския. Специально о нем см. Watts 2014, Афонасин 2019.

²⁰ Возможно, отмечается парадоксальность поэзии и, в ряде случаев, моральная предосудительность сочинений поэтов. П. Атанассиади (Athanassiadi 1999, 141) усматривает здесь намек на критику поэзии в Платоновом *Государстве*.

²¹ Маркеллой звали жену Порфирия. П. Атанассиади (Athanassiadi 1999, 141) полагает, что речь здесь идет именно о ней, так как если бы Дамаский имел в виду мать Прокла, также Маркеллу, то он упомянул бы об этом важном факте.

²² Пояснение Фотия.

мый был сдержан и отличался простым нравом. Обучаясь философии у великого Сириана, он превзошел всех соучеников в трудолюбии, даже знаменитого Прокла, *который впоследствии стал диадохом*.²³ Не лишен он был и любви к тем благодатным наукам, которые раскрывает философия.²⁴ Однако проницательностью он не отличался, не открыл новых доказательств и не стал подлинным искателем истины. Поэтому он не мог выстоять в споре с теми, кто задавал ему вопросы, хотя и запомнил почти все, услышанное от учителя и записанное в книгах. Так что собственное движение его мысли не соответствовало его многознанию. Недоставало ему скорее рассудительности, нежели основательности; зато он был настолько причастен добродетели, что даже сам Мом (бог хулы) не смог бы его порицать, а Фтонос (Ненависть) ненавидеть. Таковы были присущие ему сдержанность и чувство справедливости. Когда одному неграмотному человеку (ἰδιώτου) пришло в голову предложить ему книгу, он исправил ошибку, а затем купил книгу за сумму, большую, чем изначально требовал продавец. Не только в этот раз, но и довольно часто он проявлял чувство справедливости там, где другие люди остались бы безучастными, например, называя правильную цену в случаях, когда сам продавец этого не осознавал. Это отличало его от других людей, охотно принимающих «дар Гермеса» (ἔρμαιον) и полагающих, что они не поступают нечестно, если продавец расстается со своей вещью добровольно. По его же мнению подобного рода сделка содержит в себе уловку и обман, так как, хотя никто не лжет, истину все же скрывают. Несправедливость, незаметная для большинства, в данном случае сводится не к открытому насилию, но краже. Не такая опасная как грабеж, эта кража все же попирает закон, оставаясь, к тому же, им не замеченным. Говорят, что, умирая, он поклялся Египту в том, что душа бессмертна и нерушима. Смелости же ему придала благая жизнь (εὐζωία), свободная от телесных потребностей, которая теперь, возвратившись к себе, испытала отделение перед лицом вечности.

55

(Ф 75 + Σ 1.543.8) Брат Гермия Григорий был его противоположностью: исключительно проницательный и сообразительный в исследовании и учебе, он не был спокойным и сдержанным, отличаясь буйным нравом. Вскоре после возвращения братьев из Афин в Александрию, Григорий

²³ Пояснение Фотия.

²⁴ Очевидно, указание на теургию.

заболел настолько сильно, что его разум (τὸ ὄργανον) отказался служить ему и совершенно его покинул.

56

(Σ* 2.161.18) Эдесия, жена Гермия. Она был родственницей великого Сириана, а также прекраснейшей и благороднейшей из александрийских женщин. Характером вся в мужа, она отличалась простотой и благородством, на протяжении всей жизни справедливость предпочитая благоразумию. И действительно, любовь к богу и любовь к человеку отличали ее более всего. Сверх меры стремясь облагодетельствовать нуждающихся, она продолжила тратить на благотворительность столько же, даже оставшись, после смерти Гермия, с сиротами на содержании. В результате ее сыновьям пришлось жить в долг, и некоторые люди порицали ее за это. Она же, полагая, что единственным достойным сокровищем в свете доброй надежды [на вечную жизнь] является готовность помочь нуждающимся святым и честным людям, не жалела ничего из сочувствия к человеческому несчастью. За это ее любили даже самые порочные из наших сограждан. Но более всего она заботилась о том, чтобы обучить сыновей философии, стремясь передать им отцовскую науку, как если бы это было семейное имущество. И она сумела сохранить для детей то публичное жалование (δημόσιον), которое было предоставлено их отцу, со времен их отрочества до тех пор, пока они сами не стали философами, чего, насколько нам известно, не удавалось ни одному мужчине и ни одной женщине. Эдесия пользовалась всеобщим уважением и была окружена немалым почетом. Когда же она прибыла со своими сыновьями в Афины с тем, чтобы отдать их учиться философии, то ее добродетелями восхищался не только весь философский хор, но и его корифей, Прокл. Именно эту Эдесию, когда она была еще девушкой, Сириан просватал бы за Прокла, если бы некое божество не удержало Прокла от женитьбы. Столь благочестивой она была и святой, и настолько любимой богами, что сподобилась многих чудесных явлений (эпифаний). Такой же Эдесия и осталась, на протяжении всей жизни любимой и почитаемой богами и людьми. Я познакомился с ней, когда она уже была в возрасте, и, после ее смерти, произнес, согласно обычаю, поминальную речь в ее честь, украшенную героическим стихом. Это случилось в дни моей юности, когда я еще был почти мальчиком.

А (Ф 76) У Гермия и Эдесии был сын, родившийся еще до наших философов, и, когда ему было лишь семь месяцев, Эдесия, как это принято, играла с ним, ласковым голосом называя «бабион», что значит «дитя». Услышав это, он разозлился, упрекая ее за использование подобных детских выражений, высказав свои возражения ясным и отчетливым голосом. *Он рассказывает и другие чудные истории об этом ребенке, сообщая затем, что в возрасте семи лет он покинул это тело, так как его душа не смогла удержаться в этом мире. Сирийцы, в особенности жители Дамаска, словом «бабиа» называют младенцев и даже более старших детей, в честь почитаемой ими богини Бабии.*²⁵

В (Σ* 2.162.13) Младшим из сыновей ее и Гермия был Гелиодор, а старшим Аммоний. Этот последний был талантливее и любознательнее, тогда как первый проще и зауряднее; это определило и их нрав, и сочинения. Ведь они оба учились у Прокла, поступив в его школу под руководством своей матери. И Прокл уделял им особое внимание, так как они были детьми Гермия, его друга и соученика, и Эдесии, родственницы Сириана, к тому же там присутствующей. В это же время в Афины прибыл и Гиеракс, брат Синесия.²⁶

С (Ф 79) Аммоний отличался трудолюбием и сочинил комментарии больше любого из его предшественников. Лучше всего он разбирался в Аристотеле. Познаниями же в геометрии и астрономии он выделялся не только среди своих сверстников, но, можно сказать, в чем-то превосходил как своих старших коллег из школы Прокла, так и многих ученых прошлых веков.

А (Ф 77 + Σ 3.628.21) Невыразимые таинства подлинной философии были превращены в предмет насмешки и издевательств некоторыми людьми, чей слух ослаб, а чувства притупились, *как пишет Дамаский, имея в виду тех, кто раскрыл профанам невыразимые таинства подлинной философии.*²⁷

²⁵ С. Brockelmann, *Lexicon Syriacum*, 1928, p. 62A (Athanassiadi 159).

²⁶ По хронологическим соображениям, это не может быть знаменитый Синесий Киренский, ученик Гипатии, действительно посещавший Афины ок. 410 г.

²⁷ Примечательно, что в точности эта же фраза встречается у Суды еще в одном месте (3.66.13) и относится к случаю разграбления христианами тайного храма Изиды в Менутисе. Об этом эпизоде упоминает также Захария Схоластик (*История* 33 сл.), отмечая, что сокровища храма были вывезены в Александрию на двадцати верблюдах и там публично сожжены. Город Менутис, располагавшийся близ Кано-

- В (Ф 78) Гиеракс Александрийский, современник Аммония, говорит, что видел животное, похожее на Пана, которого привезли из Эфиопии в Византий. Выглядело оно точно так же, как представлено на изображениях и в скульптурах, а его голос, который можно было услышать, пока его везли по улицам, напоминал дикий крик.
- С (*Σ 4.761.3) Во времена императора Льва некие эфиопы привезли жирафов и двух безумных людей маленького роста, из числа тех, кого Гомер называл пигмеями.²⁸

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Афонасин, Е. В. (2020) «Дамаский в Афинах: избранные фрагменты его *Философской истории*», *Платоновские исследования* 13.2, 285–317.
- Афонасин, Е. В. (2020) «Идеальный наставник в *Философской истории* Дамаския», *Платоновские исследования* 10.1, 172–196.
- Афонасин, Е.В., пер. (2020) «Ямвлих, *О душе*», Ямвлих, *Собрание творений в четырех томах*. Т. 4: Толкования. Санкт-Петербург, 283–326.
- Месяц, С. В., пер. (2013) «Порфирий. Подступы к умопостигаемому», В. В. Петров, ред. *ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма*. Москва, 758–791.
- Петер, И., пер. (1996) *Пифагорейские Золотые стихи с комментариями философа Гиерокла*. Москва.
- Светлов, Р. В., пер. (2020) «Ямвлих, Комментарии на диалоги Платона», Ямвлих, *Собрание творений в четырех томах*. Т. 4: Толкования. Санкт-Петербург, 7–233.
- Adler, A., ed. (1928–38) *Suidaе Lexicon*. Vol. 1–4. Leipzig.
- Asmus, R. (1911) *Das Leben des Philosophen Isidoros*. Leipzig.
- Athanassiadi, P., ed., transl. (1999) *Damascius. The Philosophical History*. Athens.
- Aujoulat, N. (1986) *Le néo-platonisme Alexandrin: Hiéroclès d'Alexandrie*. Leiden: Brill.
- Baltzly, D., Share, M. (2018) "Hermias: On Plato's Phaedrus 227A–245E," *Ancient Commentators on Aristotle*, eds. R. Sorabji & M. Griffin. London: Bloomsbury.
- Finamore, J. (2012) "Iamblichus on the grades of virtue," *Iamblichus and the Foundations of Late Platonism*, eds. E. Afonasin, J. Dillon, J. Finamore. Leiden: Brill, 113–132.

па, затонул после 740 г. в результате землетрясения. В 1999–2000 гг. французские подводные археологи обнаружили в заливе Абу-Кир, на месте древнего города, многочисленные памятники (фрагменты городских строений, сфинксы, амфоры для вина, статуи и монеты). Подробнее см. Goddio F. *Egypt's sunken treasures*. Munich, 2006. Курсивом выделено пояснение Фотия.

²⁸ *Илиада* 3.6.

- Finamore, J., Manolea, Ch.-P., Wear, S. K. (2018) *Studies in Hermias' Commentary on Plato's Phaedrus*. Leiden: Brill.
- Gertz, S., Dillon, J., Russel, D. (2012) *Aeneas of Gaza. Theophrastus*. Bristol.
- Hadot, Il. (2015) *Athenian and Alexandrian Neoplatonism and the Harmonization of Aristotle and Plato*. Leiden: Brill.
- Henry, R., ed. (1959–1977) *Photius. Bibliotheca*. Vols. 1–8. Paris.
- Köhler F. W., ed (1974) *Hieroclis in aureum Pythagoreorum carmen commentarius*. Teubner.
- Lucarini, M., Moreschini, C., eds. (2012) Hermias Alexandrinus. In *Platonis Phaedrum Scholia*. Berlin: De Gruyter.
- Majercik, R. (1989) *The Chaldean Oracles*. Leiden: Brill.
- Moreschini, C. (2009) “Alla scuola di Siriano: Ermia nella storia del neoplatonismo,” *Syriacus et la Métaphysique de l'Antiquité tardive (Actes du colloque international, Université de Genève, 29 sept.–1er oct. 2006)*, ed. A. Longo. Bibliopolis, 515–578.
- O'Meara, D. (2006) “Patterns of Perfection in Damascius' Life of Isidore,” *Phronesis* 51.1, 74–90.
- O'Meara, D. (1989) *Pythagoras Revived. Mathematics and Philosophy in Late Antiquity*. Oxford.
- Schibli, H.S. (2002) *Hierocles of Alexandria*. Oxford.
- Taormina, D.P. (1989) *Plutarco di Atene. L'Uno, l'Anima, le Forme (Symbolon viii)*. Università di Catania.
- Tarrant, H., Baltzly, D. (2017) “Hermias,” *The Brill Companion to the Reception of Plato in Antiquity*, eds. H. Tarrant, D. Layne, F. Renaud, & D. Baltzly. Leiden: Brill, 373–381.
- Tempelis, E. (1998) *The School of Ammonius, Son of Hermeias, on Knowledge of the Divine*. Athens.
- Watts, E. (2014) “Damascius' Isidore: A Perfectly Imperfect Philosophical Exemplar,” *Byzantina et Slavica Cracoviensia* 7, 159 – 68.
- Westerink, L. G. (1976–1977) *The Greek Commentaries on Plato's Phaedo*. Vols. 1–2. Amsterdam.
- Zintzen, C., ed. (1967) *Damascius. Vitae Isidori reliquiae*. Hildesheim.
- In Russian:
- Afonasin, E. V. (2020) «Damaskij v Afinah: izbrannye fragmenty ego Filosofskoj istorii», *Platonovskie issledovaniya* 13,2, 285–317.
- Afonasin, E. V. (2020) «Ideal'nyj nastavnik v Filosofskoj istorii Damaskiya», *Platonovskie issledovaniya* 10.1, 172–196.
- Afonasin, E.V., per. (2020) «Yamvliĥ, O dushe», Yamvliĥ, *Sobranie tvorenij v chetyrekh tomah*. T. 4: Tolkovaniya. Sankt-Peterburg, 283–326.
- Mesyats, S. V., per. (2013) «Porfirij. Podstupy k umopostigaemomu», V. V. Petrov, red. ПЛАТΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Issledovaniya po istorii platonizma. Moskva, 758–791.
- Peter, I., per. (1996) Pifagorejskie Zolotye stiĥi s kommentariyami filosa Gierokla. Moskva.
- Svetlov, R. V., per. (2020) «Yamvliĥ, Kommentarii na dialogi Platona», Yamvliĥ, *Sobranie tvorenij v chetyrekh tomah*. T. 4: Tolkovaniya. Sankt-Peterburg, 7–233.